

STUDIA PHILOLOGICA

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Л. А. ГОГОТИШВИЛИ

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА

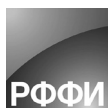
АРХИТЕКТОНИКА
ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Составитель
И. Н. Фридман

Издательский Дом ЯСК
Москва 2021

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)
Г 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту №20-111-00064, *не подлежит продаже*

Ответственный редактор
С. В. Федотова

Рецензент
докт. филол. наук *А. В. Марков*

Гоготишвили Л. А.

Г 58 Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства / Сост., автор вступ. статьи и примеч. И. Н. Фридман; отв. ред. С. В. Федотова; ред. С. О. Савчук. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. — 616 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907290-35-8

В книгу Людмилы Арчиловны Гоготишвили (1954–2018) включены работы, написанные после выхода в свет ее известной книги «Непрямое говорение» (2006). Настоящее издание имеет двухчастную структуру: «Подразумевание» и «Дискурс адекватации». Первая часть является органическим продолжением предыдущей книги, в которой разработаны основы новой лингвофилософской дисциплины — *феноменологии непрямого говорения*. Вторая — объединяет работы о русских мыслителях первой трети XX века лингвофилософского склада (Вяч. Иванове, Лосеве, Флоренском, Бахтине, Шпете), которые разрабатывали стратегии преодоления релятивистского кризиса языка с помощью «дискурса адекватации», или моделирования языков второго порядка (полиантиномизм Вяч. Иванова, полифонический роман Бахтина, позиционная политропия Лосева, дефокализованная полициклия Флоренского, семантико-синтаксический полиролизм Шпета). В конечном итоге и «Подразумевание», и «Дискурс адекватации» призваны стать составными частями намеченной Л. Гоготишвили фундаментальной лингвофилософской дисциплины — *феноменологии говорения*.

Книга предназначена для философов, филологов, широкого круга читателей.

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-907290-35-8

9 785907 290358 >

© Л. А. Гоготишвили, наследники, 2021
© И. Н. Фридман, сост., вступ. статья, примеч., 2021
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Слова благодарности</i>	9
<i>Фридман И. Н. От подразумевания к дискурсу адекватности</i>	11

ЧАСТЬ 1. ПОДРАЗУМЕВАНИЕ

Глава 1. Грани подразумеваемого

1.1. А. Ф. Лосев: многослойность смысла

Эйдетический язык, говорящая вещь и многослойность смысла (к определению конструктивного ядра и эвристического потенциала философии языка А. Ф. Лосева)	35
Символ у раннего и позднего Лосева: сдвиг в толковании (реконструкция и опыт интерпретации)	70

1.2. М. М. Бахтин: двуголосое слово и полифоническая идея

Нравственно-религиозный первопринцип раннего Бахтина как исток полифонического дискурса	80
Ресурсы изобразительной модальности языка (феноменологические вариации на темы Бахтина)	106

1.3. П. А. Флоренский: гетерофония и дефокализация интенционального предмета

Теория П. А. Флоренского о корреляции между изобразительными и языковыми приемами (обратная перспектива и «круглый» дискурс)	135
--	-----

1.4. Г. Г. Шпет: «языковление» феноменологического метода и логика смысла

Ранний Шпет: мотивация и цели поворота феноменологии к «языковому сознанию»	151
Шпет и Бахтин: ожидаемые расхождения и неожиданные сходства	166

1.5. Ф. Ларюэль: имманентное Реальное как родовое Эго	
Принцип <i>односторонней дуальности</i> в не-философии Ф. Ларюэля: антропологическое измерение и языковой генезис	179
Глава 2. Теоретическая модель	
Подразумевание	198

ЧАСТЬ 2. ДИСКУРС АДЕКВАЦИИ

Глава 3. Разновидности «дискурса адекватности»

3.1. Полифония как дискурсивная стратегия (М. М. Бахтин)	
К ситуации вокруг полифонии	217
3.2. Принцип «позиционной политропии» (А. Ф. Лосев)	
«Позиционная политропия» как стержневой принцип лосевской теории высказывания	247
Лосевская интерпретация платоновской двойцы эйдос / идея (диалектический, феноменологический, математический и языковой аспекты)	261
Идея и эйдос в ОАСМ Лосева как символы методологического синтеза, способного заложить основы «дискурса адекватности»	299
3.3. Теория «круглого» дискурса (П. А. Флоренский)	
Номинативность и процессуальность в философии языка Павла Флоренского (именование и дискурс в обратной перспективе)	327
3.4. Внутренняя форма как алгоритм адекватности (Г. Г. Шпет)	
Когнитологическая интерпретация идеи внутренней формы Г. Г. Шпета	383
3.5. «Концептуальный коллаидер» как генератор идей (Ф. Ларюэль)	
Имманентное, трансцендентное и дуальное в не-философии Ф. Ларюэля	401

Глава 4. Дополнительные аспекты и сопоставления

Вклад постсимволистов Лосева и Бахтина в теорию построения дискурса (принципиальные различия на фоне фундаментального сходства)	431
Философия языка Лосева и «не-философия» языка Ларюэля	451
Бахтинская имманентно-диалогическая внутренняя форма как альтернатива гумбольдтианскому и потебнианскому подходам	486
Шпет и Гумбольдт: феноменологические вариации на тему языкового универсализма и релятивности	490
Автор и его ролевые инверсии (к сопоставлению подходов В. С. Библера и М. М. Бахтина)	502

ПРИЛОЖЕНИЕ. Из архива Л. А. Гогтишвили

Соотношение между полифоническим романом М. Бахтина и музыкальной полифонией (замечания к проблеме) (вступ. статья, подготовка текста и коммент. <i>С. С. Неретиной</i>) ...	557
---	-----

Примечания составителя	579
Список сокращений	597
Литература	599
Именной указатель (сост. <i>С. О. Савчук</i>)	610

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

С оставитель приносит глубокую благодарность друзьям и коллегам Людмилы Арчиловны Гоготишвили, оказавшим неоценимую помощь в работе над этой книгой. Прежде всего — **Елене Аркадьевне Тахо-Годи** (МГУ, ИМЛИ РАН, «Дом Лосева»), организовавшей заседание памяти Л. А. Гоготишвили в рамках Международной научной конференции XVI «Лосевские чтения» (октябрь 2018 г.). На этом заседании состоялось обсуждение представленного составителем проекта книги, в ходе которого участники круглого стола под председательством **Светланы Сергеевны Неретиной** (ИФ РАН, РГГУ) проявили серьезную заинтересованность в издании книги и высказали ценные соображения относительно ее состава и структуры. Особенно содержательными были выступления **Виктора Петровича Троицкого** («Дом Лосева»), **Светланы Владимировны Федотовой** (ИМЛИ РАН), **Мариз Денн** (Франция, Университет им. Мишеля Монтеня Бордо-3) и самой С. С. Неретиной.

На стадии первичной обработки архива большую помощь оказал **Сергей Павлович Костырко** (куратор сайта «Журнальный зал»). На просьбу о предоставлении дополнительных материалов охотно откликнулись не только российские ученые (Е. А. Тахо-Годи, С. О. Савчук), но и зарубежные исследователи: **Анна-Франсуаза Шмид** (Франция, Горная школа Парижа (Mines Paris Tech)), **Анастасия де ля Фортель** (Швейцария, Лозаннский университет).

Необходимо отметить деятельную и многогранную помощь **Светланы Олеговны Савчук** (Институт русского языка РАН), которая, кроме всего прочего, осуществила предварительное техническое редактирование книги при содействии **Яны Окландер** (РГГУ), взявшей на себя сверку цитат. Существенному улучшению рукописи способствовали вдумчивые замечания и смелые предложения С. В. Федотовой, любезно согласившейся прочитать первоначальный вариант вступительной статьи, а затем отредактировать и подготовить к научному изданию весь корпус.

Особой признательности заслуживает С. С. Неретина, которая опубликовала в журнале «Вопросы философии» незавершенную статью Л. А. Гоготишвили, что позволило включить этот текст в данную книгу.

В заключение хотелось бы сердечно поблагодарить Мариз Денн за то, что она на протяжении многих лет поддерживала тесные научные и дружеские контакты с Л. А. Гоготишвили, переводила ее работы на французский язык, а теперь снабдила составителя всеми необходимыми сведениями об этих публикациях.

И. Ф.

ОТ ПОДРАЗУМЕВАНИЯ К ДИСКУРСУ АДЕКВАЦИИ

И. Н. Фридман

1. ЕДИНОРАЗДЕЛЬНОСТЬ СМЫСЛА

В данное издание включены работы Людмилы Арчиловны Гогтишвили (1955–2018), написанные (и по большей части опубликованные) после выхода в свет ее opus magnum — книги «Непрямое говорение» (2006). Эта книга осталась единственной прижизненной монографией Людмилы Гогтишвили (далее — Л. Г.). В последние годы жизни Л. Г. обдумывала возможность издания второй книги, но это намерение не оставило сколько-нибудь отчетливых следов в ее архиве: у нас нет на руках ни авторского названия, ни оглавления, ни концептуального обоснования структуры предполагаемой книги. Поэтому составителю ничего не остается, как действовать на свой страх и риск, опираясь на имеющиеся косвенные данные.

Мы исходили из убеждения, что это должна быть *книга*, со всеми вытекающими последствиями: не сборник статей, не «Избранное», не том из собрания сочинений, а именно книга. Поэтому мы взяли за образец «Непрямое говорение» (далее — НГ) как своего рода «архетип» того, что являлось книгой в представлении Л. Г.

Если бы была поставлена задача описать этот образец одним словом, мы остановились бы на (вполне лосевском) слове *единораздельность*. Л. Г. имела обыкновение предварять свои тексты подробно проработанным оглавлением, оснащенным номерами частей, разделов, глав, параграфов, а также заголовками и подзаголовками. В этом находила выражение интуиция неотмысливаемой раздельности смысла. Но это только одна сторона дела: в присутствии Л. Г. видении раздельности имплицирована воля к ее методичному преодолению в результирующем, хотя и не окончательном, эффекте смыслового единства.

Поскольку мы решили принять НГ за образец, хотелось бы на этом, предварительном этапе отметить одно нетривиальное свойство НГ: уже при чтении оглавления (необычайно пространныго и тщательно структурированного), до всякого логического анализа возникает ощущение своего рода музыкальности замысла. Возможно, в этом сказалась многолетняя увлеченность Л. Г. бахтинской полифонической идеей, но книга НГ «звучит» (Л. Г. назвала бы это «феноменологическим звучанием») как музыкальное произведение, написанное в полифоническом ключе: сначала основная («титულიная») тема проводится по разным голосам (это голоса постоянных «протагонистов» разыгрываемого в книге лингвофилософского действия: Вяч. Иванова, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, П. А. Флоренского и Г. Г. Шпета), затем наступает черед разработок и вариаций, в которых титульный тематизм модулируется и «обкатывается» на новом, зачастую неожиданным сопоставительном материале (Лосев и Делёз, Бахтин и Хайдеггер), после чего звучит торжественная кода — трактат «К феноменологии непрямого говорения», представляющий собой абстрагированную модель непрямого говорения (как структурного инварианта титульной темы). Мы попытались в какой-то мере воспроизвести этот структурно-смысловой «паттерн» в обеих частях («полукнижиях») предлагаемой книги — с одним прискорбным исключением: во второй части на месте ожидаемой коды — теоретической модели «дискурса адекватации» — зияние, смысловая прореха, которую теперь уже никому не под силу залатать: Л. Г. не успела довести свой замысел до логического конца.

Оппозиция раздельность / единство приобрела особую актуальность, когда пристальное чтение поздних работ Л. Г. привело к мысли (поначалу неожиданной для самого составителя) о принципиальной «двусоставности» того смыслового комплекса, который задавал направление развертыванию лингвофилософских идей Л. Г.

Поскольку разделение книги на два «полукнижия», в которых действуют одни и те же персонажи¹ (хотя и в разных «заданных обстоятельствах»), может показаться не только вычурным, но и «контринтуитивным», возникла необходимость в обосновании принятого эдиционного решения. Данное введение, собственно, и призвано представить читателю аргументы в его защиту.

Мы пришли к выводу, что наиболее адекватным способом обоснования структурной двухчастности замысла Л. Г. может послужить выборочная «инвентаризация» того методологического инструментария, который,

¹ По сравнению с НГ их состав остался прежним за некоторыми любопытными исключениями: во-первых, Вяч. Иванов, сохраняя высокий статус «отца-основателя», отошел на задний план; во-вторых, Флоренский был подвергнут радикальному пересмотру и переместился с периферийной позиции на одну из главных; в-третьих, славянская когорта пополнилась новым членом в лице современного французского философа Франсуа Ларюэля.

претерпевая известные изменения, но сохраняя базовую стабильность, верой и правдой служил Л. Г. на протяжении всего ее творческого пути.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ: ТРИ ОППОЗИЦИИ И ОДНА СТРАТАГЕМА

2.1. Монизм / дуализм: «усеченный монизм», «односторонняя дуальность» и архитектоника адекватации

Оппозиция монизм / дуализм относится к числу фундаментальных и носит, как правило, общефилософский характер (зачастую с религиозными коннотациями), однако «в исполнении» Л. Г. она словно бы открывается заново. Поскольку данная проблематика интересовала ее прежде всего применительно к языку, Л. Г. ориентировалась в этом плане на «неформальных лидеров» отечественной философии языка рассматриваемого периода — русских философов-имяславцев (Лосева, Флоренского и отчасти С. Булгакова); однако получилось так, что архитектоника лингвофилософского видения Л. Г. приобрела окончательные очертания в процессе сопоставления двух (по сути изоморфных) принципов — «усеченного монизма» Лосева и «односторонней дуальности» Ларюэля. Термин «усеченный монизм» был предложен Л. Г. в одной из ранних работ, посвященных лосевской интерпретации основного имяславского постулата: «Имя Божие есть Бог, но Бог не есть ни Его имя, ни имя вообще». Асимметричность этой формулы позволяет Лосеву избежать двух крайностей: абсолютного монизма, неизбежного при гипостазировании первой части тезиса, и абсолютного дуализма, неизбежного при гипостазировании второй его части. Л. Г. называет подобный подход к дихотомии монизм / дуализм «согласительным» (компромиссным), и именно такая установка представляется ей оптимальной по отношению к языку.

Здесь необходимо иметь в виду, что Л. Г. производит последовательную «феноменологическую редукцию» учений, основанных на имяславском постулате, абстрагируясь от религиозных, идеологических и даже (в большой мере) тематических коннотаций, что позволяет выявить структурное сходство не только между лингвофилософскими системами всех российских героев этой книги, но и «присоединить» к ним нашего современника Ф. Ларюэля, вся философская (или «не-философская», как называет ее сам автор) система которого зиждется на «принципе односторонней дуальности», по существу неотличимом (в структурном плане) от имяславского тезиса. Как это ни парадоксально, именно Лосев и Ларюэль (православный фундаменталист и убежденный атеист метамодернистского толка) оказываются главными наследниками и хранителями той великой традиции (главным образом неоплатонической), которую Л. Г. связывает с установкой на «неабсолютное преодоление дуализма». Парадокс (весьма характерный для

творческой манеры Л. Г.) состоит в том, что Ларюэль, если судить о нем по общепринятым меркам, является «правильным антиподом» Лосева. В отличие от русского мыслителя, картина мира которого конституируется нисходящими свыше Божественными энергиями, Ларюэль центрирует свою систему вокруг «имманентного Реального», локализованного «внутри человека» (как родового Эго). Вдобавок ко всему отношение этих философов к языку можно охарактеризовать как «прямо противоположное»: если Лосев всячески возвышал язык, возводя его к «самовысказыванию» Божественной сущности, то Ларюэль был ярким «языкоборцем», особенно на раннем этапе своего творческого пути. При таком раскладе принцип односторонней дуальности (или усеченного монизма) попадает в ситуацию идеально сконструированного мысленного эксперимента, охватывающего все концептуальное поле логически возможных способов обращения с дихотомией монизм / дуализм в ее «имяславском» (в широком смысле слова) изводе. Чистота эксперимента гарантировалась еще и тем обстоятельством, что Ларюэль узнал о существовании имяславия (да и Лосева) задним числом — от самой Л. Г. (при посредничестве известной французской славистки Мариз Денн). Словом, если бы Ларюэля не было, его следовало бы придумать.

Чтобы в должной мере оценить результаты эксперимента, необходимо несколько подробнее остановиться на его фундаментальных предпосылках.

Л. Г. придавала большое значение тому, что она называла «глубинными стержневыми моментами тематических первоинтуиций» рассматриваемого ею мыслителя. Если применить такой подход к самой Л. Г., придется признать, что «стержневым моментом ее первоинтуиций» было представление о двойственной природе языка, в пределе — о наличии двух языков, различных по своей природе. Л. Г. изначально относилась к языку, данному в его внешних формах, с известным недоверием, которое распространялось на исследователей (преимущественно аналитической школы), опиравшихся в своих построениях только на поддающуюся объективации «телесную» составляющую языка. Постоянным предметом «феноменологического созерцания» Л. Г. был «другой язык», противящийся объективации и являющийся носителем таких (ноэтических по своей природе) свойств, как динамизм, операциональность и универсализм. И именно наличие «другого языка» (языка второго порядка) позволяло поставить проблему адекватации, что называется, в полный рост.

Обычно Л. Г. определяла адекватацию как соответствие языкового выражения своему предмету (в терминологии Бахтина — стоящему за высказыванием «событию бытия»). Однако за этим понятием просматривается более глубокий и универсальный смысл: «адекватационный процесс» возможен только при наличии «двух языков», так что под поверхностным слоем всякого данного тематического отождествления просматривается глубинный уровень заданной операциональной адекватации между языком внешних форм и языком внутренних, в принципе не поддающихся полной объективации актов сознания.

Этим и объясняется многолетняя приверженность Л. Г. к феноменологическому методу, главным образом в его изначальном, гуссерлевом понимании.

Наше затянувшееся отступление можно резюмировать следующим образом: первоинтуиция Л. Г. о двойственной природе языка и архитектоника имяславской «картины мира» (основанной на принципе неабсолютного преодоления дуализма) нашли друг друга. Мир, конституируемый принципом односторонней дуальности (или усеченного монизма), оказался максимально комфортной средой обитания для языковых интуиций Л. Г. и ее героев, поскольку индуцируемое этим принципом концептуальное поле создает режим наибольшего благоприятствования для их дискурсивного развертывания. Дело в том, что интуиция «двух языков» требует, с одной стороны, достаточно устойчивой и глубоко фундированной архитектоники дуалистического характера, но, с другой стороны, этот дуализм не может быть абсолютным, поскольку язык внешних форм несет на себе достаточно отчетливый («неотмысливаемый», как сказала бы Л. Г.) отпечаток языка второго порядка. В процессе ларюэлевских штудий функциональная значимость этого принципа была определена Л. Г. следующим образом: «У Ларюэля залогом неабсолютного преодоления дуализма служит односторонняя дуальность — сквозной константный принцип не-философии» («Философия языка Лосева и “не-философия” языка Ларюэля»). То же самое можно сказать и о построениях Лосева, заменив «одностороннюю дуальность» равнозначным в структурном отношении «усеченным монизмом», а «не-философию» — «философией имени, числа и мифа».

Что же касается существа вышеозначенного мысленного эксперимента, то оно сводится к следующему: Л. Г. выдвигает гипотезу, согласно которой в любой системе, основанной на принципе односторонней дуальности, неизбежно возникает функция особого «второго языка», неизоморфного естественному, но являющегося его основой. Образцами языков второго порядка могут послужить «эйдетический язык» Лосева и «трансцендентальный язык» Ларюэля. Оба термина не являются авторскими, они «изобретены» Л. Г., но так органично, что без них уже трудно обойтись при обсуждении соответствующих феноменов, поскольку эти термины вполне корректно заостряют авторскую интенцию и одновременно вписывают ее в концептуальное поле *феноменологии непрямого говорения*. Этот результат представляется особенно убедительным в силу того, что, как показывает Л. Г., Ларюэлю, исходившему из «языкоборческих» предпосылок, пришлось пойти на постулирование «трансцендентального языка», так сказать, «против собственной воли», убедившись в том, что компромиссная модель неабсолютного преодоления дуализма немыслима без функции «второго языка» (см. «Имманентное, трансцендентное и дуальное в “не-философии” Ф. Ларюэля»). Кроме «эйдетического языка» Лосева и «трансцендентального языка» Ларюэля, к типологическому ряду языков второго порядка можно отнести «полифонический